

Андрей МАКСИМОВ

ТАК **ЛЮБЯТ** ЛЮДИ

психофилософский роман

**ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ РОМАН О ЛЮБВИ
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ
ПО ПСИХОЛОГИИ**

«Обжигающе и глубоко!

Роман, в котором художественный вымысел соседствует с документальными историями любви».

Игорь Бондарь-Терещенко,

«СНОБ»

Андрей Максимов

Так любят люди

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Максимов А. М.

Так любят люди / А. М. Максимов — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-090559-1

Хотите узнать подлинные, не приукрашенные истории любви? Хотите понаблюдать за тем, как взрослый мужчина мучается на безлюбье и обретает новое чувство в странном и таинственном месте посреди Москвы? Все это в новом романе известного писателя и телеведущего Андрея Максимова «Так любят люди». Если вы считаете, что на свете нет ничего важнее любви; если вам интересно узнать, как сегодня любят люди; если вам интересно прочесть необычную смесь психологии, философии и документалистики – этот роман для вас. Андрей Максимов – известный журналист, писатель, радио- и телеведущий, театральный режиссер. Колумнист «Российской газеты». Автор бестселлеров «Как не стать врагом своему ребенку», «Психофилософия. Книга для тех, кто перепутал себя с камнем», «Психофилософия 2.0» и др.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090559-1

© Максимов А. М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Начало	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Максимов

Так любят люди

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

С огромной благодарностью я посвящаю свой роман ЛЮДЯМ, ПРИХОДИВШИМ КО МНЕ НА ПСИХОФИЛОСОФСКИЙ РАЗГОВОР. Все истории, составившие эту книгу, услышаны от вас. Все истории подлинные. Разумеется, я поменял имена, изменил кое-какие детали, но все истории – настоящие, так все на самом деле и происходило. Люди любят так. Я знаю, что помог многим из вас. Но вы и не догадываетесь, как помогли мне вы. Помогли понять себя и мир, в котором стараюсь жить.

*Помогли понять любовь, которую, конечно, понять до конца невозможно.
Спасибо вам.*

Кто пишет – тот действует, пускает в оборот переживания и жизнь, непосредственно либо опосредованно, в силу тех или иных причин, побуждающих человека писать, нередко обманчивых; непосредственно или опосредованно – это уж смотря по тому, каков его характер: в моем случае о непосредственности нет речи. Я не из числа писателей-экспозиционистов, не знающих стыда, не из тех, кто так и сяк монтирует, сочиняет и пересочиняет свою жизнь, не принадлежу я и к тем, кто ушами выплескивает на тебя витиеватые словеса, так что недолго и захлебнуться, барахтаясь в потоках авторского красноречия. Я из цеха слесарей и конструкторов мысли, которым нелегко приходится с их собственными находками и выдумками, так как эти находки то и дело перечеркивают авторские планы и замыслы и даже убеждения... У меня не мысли рождают образы, а, напротив, образы рождают мысли. Моя писанина нацелена куда-то в сторону от моего «я», хотя я и не написал чего-то, что не было бы связано с пережитым лично мной, с моими вытесненными либо давно забытыми переживаниями, чувствами и мыслями...

Фридрих Дюрренматт

Начало

Иван Сергеевич, 48 лет, предприниматель:

– Ну, значит, компания была... Ага... Одна компания такая была... Ну, на море познакомились... А на море что делать, кроме как купаться и выпивать? Ну, выпивали, значит, познакомились. Игорь, Лена... Это, значит, они... Маша, Иван... Это я Иван, а Маша – жена моя... Ну, тогдашняя...

И вот, значит, стали общаться... Ну, дружить типа. Праздники там... Выходные... Ага. Они – выпивку, мы – закуску. Или наоборот. Ну, чтоб порядок. Дружили, значит, хорошо. И, главное, мне поначалу Ленка не нравилась вообще... Ну, Ленка и Ленка... И имя еще какое-то... Никакое: Ленка. Машка, правда, тоже... Короче, не везет мне на имена, но дело не в этом... Ага.

Не нравилась Ленка. Чего-то я в ней не замечал, понимаете? Сейчас вот замечаю, а тогда не замечал. Сейчас вот смотрю на нее... Ну, в постели... Так у нее все прилажено крепко. А тогда не замечал. Долго так не замечал. А потом Машка, ну, жена моя тогдашняя, стала меня игнорировать как мужчину. Ага. Голова у нее стала все время болеть. Я только к ней – у нее голова болит. Или месячные... Хотя мы раньше и во время месячных... Или устала... Мне обидно стало. А может, я придумал все это, чтобы типа оправдаться? Не знаю... С Ленкой постепенно все начало происходить. Не сразу. На балкон там покурить выйдем... Или вот приходим типа праздновать: хлеб забыли купить. Ленка в магаз, я – за ней. Типа за компанию. Но про любовь не думал: все-таки жена друга. А потом как получилось? Я в ихнем районе был, и у меня время свободное, типа некуда деться. Я Игорьку позвонил. Игорька не было, а Ленка-то была. «Заходи, – говорит, – чайку попьем».

Попили... Она меня в халате встретила. Ну, я поначалу внимания не обратил: мы ж друзья типа. Можно и в халате. А потом... Оказалось, что она давно ко мне... А я и не знал... Да и она мне тоже, если честно, постепенно... Ага... Только то, что жена друга, и останавливало...

Мы скрывались с ней, типа тихарились. Ну, потому что две семьи разрушаются, не дело все-таки... Ага. Но не можем мы с Ленкой дружка без дружки. И дело не в сексе, хотя секс, конечно, да... Но не в этом дело. Не только. Разговоры, понимаете? Мы с ней, бывало, идем по городу, садимся на скамеечку, говорим... Про все. И про все интересно. Тихарились мы так, тихарились. Мочи нет. Да и наши стали догадываться. У Машки голова перестала болеть, но мне уже не надо это все было. Потому что я вот это вот, когда в одном временном отрезке мужик с двумя бабами ложится, не понимаю. Может, не современный я, но не понимаю.

Игорь тоже стал на меня коситься. Так-то ничего не говорил, но видно, что косился... Короче, сговорились мы с Ленкой. И в один вечер она своему объявила, я – своей. Там – скандал, слезы... Типа: ля-ля...

В общем, разъехались.

– А дети есть у вас? В вашей семье и в той?

– Причем тут? У нас есть с Машкой сын.

Взрослый. Мы с Машкой давно живем... Он отдельно проживает. У Ленки с Игорем там чего-то не срослось... Я не в курсе, если честно. Ага. В общем, детей нет.

Но это ни при чем тут совсем.

И вот. Стали мы с Ленкой снимать квартиру.

Хорошую такую, однокомнатную, правда, зато кухня такая нормальная, мы там с ней говорили все время, с Ленкой в смысле.

Сначала хорошо все было. А потом, год еще не прошел... Или прошел? Не, не прошел... И вот, значит, стал я замечать, что чего-то не так у нас. Понимаете? Ну, чувствуется это всегда, ага? Нет, Ленка мне не отказывала никогда.

Это вообще у нее так всегда: что в сексе, что поговорить, что водочки выпить... Не бывает отказу. Но какая-то фигня... Чувствуется. И, главное, если она чувствуется, то уже не уйдет никуда. Это точно совершенно. Тогда я решил поставить две видеокамеры...

– Извините, а вы где работаете? Я, например, вообще не представляю, где берут видеокамеры и как их устанавливают...

– Я бизнесмен. Не важно. Если вам видеокамеры понадобятся, я помогу...

Ну вот, значит, две поставил. Комната, кухня. Поставил. Ага.

И вот прям очень быстро... Дня через два... Смотрю то, что та сняла, что в комнате.

И вижу, что приходит к моей бывший ее муж, Игорь, то есть она его ведет в постель и они там... Понимаете? Ага.

И, главное, та камера, что на кухне была, не показывает ничего. Понимаете? Они не разговаривали даже. Даже чай не пили. Или там еще чего. Игорь этот пришел, свое дело сделал и ушел. И все.

Ну, я к жене. А она, главное, не отпирается вообще. Ага. Она говорит:

– Да, – говорит. – А что ты так волнуешься? Мы с Игорем десять лет жили.

Представляешь, сколько раз мы с ним? Разом больше, разом меньше – это что, так принципиально? И вообще, если хочешь, мы закончим с ним это. Обещаю.

– Если бы, – говорит, – чужой какой-то мужик, ну, типа новый – тогда да. А так чё?

Просто помогла ему и все. А чё ему делать, сам подумай? Не к проституткам же ходить? И потом, я с ним совсем не так себя веду, как с тобой. Я с ним фригидная совсем. Давай вместе посмотрим, что ты там снял, – сам убедишься.

– И вы вместе... все это смотрели...

– Один раз. Я не смог больше. Но надо же было типа разобраться. Ага. Ну, она совсем другая с ним, правда. Совсем фригидная. Я первый-то раз в нерве был – не заметил. А когда спокойней стал, пригляделся... Вообще... Как сказать? Без удовольствия она вообще там это все... Понимаете?

– Иван Сергеевич, вы извините. Но вы ко мне зачем пришли? Когда ко мне люди приходят, я прошу их четко сформулировать вопрос, который их ко мне привел. У вас какой вопрос?

– Сейчас... Мы потом еще с Ленкой говорили... Она предлагала еще раз видео посмотреть, но я не смог. Я уже говорил, да?

Я вот чего понять хочу: она изменяла мне или действительно просто пожалела Игоря? Она вообще, Ленка, добрая очень. По жизни. Щенка вот на улице подобрала, принесла. Забавный такой... Ага.

Вот вам рассказал и понял: все-таки это не измена. Нет. Просто Ленка – добрый человек. Бывают же такие люди, как думаете?

Вот она тоже: увидела, что мне это неприятно, и сказала, что не будет такого больше никогда. Все.

– А камеры вы убрали?

– Зачем? Перевесил на другое место. Они – скрытые, незаметные совсем. Но ничего на них нет. Ленка слово свое держит.

Спасибо, что выслушали. Вот рассказал и понял: нет, не измена это. Неприятное такое происшествие. Ага. Но не измена. Точно: не измена.

* * *

Я ничего не понимаю в любви.

Если бы я понимал в любви, я бы не ходил сейчас по своей квартире в абсолютно не гордом одиночестве и не вел бы бесконечных разговоров про любовь с самим собой.

Я бы жил с женой. И мы бы с ней сидели вечером при выключенном телевизоре, выпивали бы чего-нибудь помаленьку и говорили бы о чем угодно, но только не про любовь.

Потому что, когда любовь есть, о ней не умничают – ею живут.

Любовь – море. Прыгнул – плыви. Чего рассуждать?

Если человек плывет в море и размышляет, скажем, о том, как бы лучше преодолеть набегающую волну или как правильной грести руками-ногами, – он утонет. И все тут.

Либо размышляешь, либо плывешь.

И третьего не дано.

Я хожу по квартире, курю, конечно, выпиваю чуть-чуть, и думаю о том, что в юности любовь – это соревнование. И с окружающими, и с самим собой.

Я отчетливо помню тот день, когда стал мужчиной. Моя первая любовь была старше меня на девять лет.

Она была очень умелой, и я сразу понял, что такое счастье в любви.

Ее звали Ольга. С шестнадцати лет я ненавижу женщин с этим именем.

Впрочем, ненавидеть я стал позже.

В день, когда я стал мужчиной, я вышел на улицу и подумал, что теперь я такой же, как все. Я теперь ничем не отличаюсь от этих нормальных, взрослых людей.

Мне было тогда шестнадцать лет, и я не подозревал, что все самые ужасные ужасы в жизни будут у меня связаны именно с любовью, в которой я ничего не понимаю.

Я тогда в любви плыл. Потому что, если впервые в жизни поплыл тут – все очень нравится: и вода не кажется соленой, и волны радуют...

Но вот однажды мне показалось, что наши отношения с Ольгой стали походить на выцветшие обои на родительской даче: картинка вроде есть, а яркости и радости нет.

И тогда я придумал самый дурацкий вопрос, который только может задать мужчина женщине. Вопрос этот я потом задавал сотни раз, и он ни разу не привел ни к чему хорошему.

Но я все равно его задавал. Потому что ничего не понимаю в любви.

Я спросил Ольгу:

– Ты меня любишь?

Она посмотрела на меня тем взглядом, которым, наверное, смотрит киллер прежде, чем произвести выстрел.

И ответила:

– Я не понимаю, что такое любовь. Я понимаю, когда с человеком плохо и когда с человеком хорошо. Мне с тобой плохо.

И она отвернулась.

Мир рухнул.

Этот ее ответ я потом много раз использовал, расставаясь с женщинами. Хороший выстрел. Контрольный уже не требовался.

Поединок с Ольгой я проиграл.

Потом многие выигрывал. Не исключаю, что именно потому и выигрывал, что этот проиграл.

Юность – это вообще соревновательная история. Такой бесконечный спорт. Ты должен доказать миру самого себя: в профессии, в любви, да во всем, в общем.

Не участвуют в соревновании только те, кому на все наплевать: это либо гении, либо неудачники.

Чем ближе старость, тем меньше соревновательности в любви.

Цель меняется. Тебе уже не надо ее победить.

Ты хочешь найти ту, с кем можно будет стареть. Потому что стареть вообще-то очень страшно. И совсем невозможно в одиночестве...

Как же это важно: однажды перестать бороться со всем, кроме одиночества! Однажды понять: на самом деле никакого иного страха и нет, кроме этого.

Но это только мой опыт подсказывает: в юности любовь – соревнование, в зрелости и старости – попытка победить одиночество.

Мой личный опыт. Кто смеет утверждать, будто он необходим еще кому-то, кроме меня?

В любви опыта нет. Ты наступаешь на одни и те же грабли, каждый раз надеясь, что они не дадут тебе по лбу, а унесут в небо.

А они дают...

Зачем нужны все эти книжки про любовь, если они никого ничему не учат?

Может быть, нам просто интересно читать про любовь, чтобы не чувствовать себя одинокими в этом бесконечном страдании?

Я когда-то слышал фразу: и получше нас люди умирали. Незамысловатая мысль успокаивала.

Может быть, и с любовью так же? Ты не один в этом бесконечном страдании. Это не стыдно так переживать. На миру вроде как и любовь красна.

Успокаивает...

Я хожу по квартире и жду ее звонка или эсэмэски. А она не звонит и не пишет.

Они всегда не звонят и не пишут, когда их ждут.

Они чувствуют всегда, что их ждут, – и не звонят и не пишут. Таким образом привязывают к себе. Вот и всё.

И мы знаем это. И все равно привязываемся.

И грабли ласково ложатся под ноги...

Михаил, 45 лет, бизнесмен:

– Что во мне не так? Не, ну ты посмотри на меня. Ничего, что на «ты»? Так удобнее, нормально? Нормальный же я, вроде, мужик. Правильно? Две жены было. На одной по залету женился. По молодости. Со второй любовь была. Я тогда еще только начинал. Пацан совсем. Двадцать лет. Лихие девяностые. В меня стреляли однажды, когда мы рядом шли. А она не убежала, представляешь? Скорую вызвала, жизнь мне спасла. Хорошо жили.

А потом она ушла от меня к моему партнеру... Не объясняла ничего... Вообще. Прихожу домой, там записка: «Меня не ищи». Это мне потом Сашка, партнер мой, сказал, что она к нему ушла. Предлагал доли наши поделить, рассыпать дело... А зачем?

Сашка, в общем, ни при чем был. Женщины вообще – они странные такие... От смерти спасла, а к другому ушла... Ладно, не суть.

И вот, значит, Ира. Фотографию хочешь посмотреть?

В телефоне десятки, если не сотни, фотографий.

– Класс, да? Красивая. Сколько ты ей дашь? А ей сорок, представляешь? Не выглядит же на сорок, правда? Тридцатник, не больше. Короче, мы с ней познакомились, и я стал за ней ухаживать. Цветы мой водитель ей каждый день привозил. Рестораны там. То да се. Гулять еще она очень любила. Ну, я гулял, как дурак: парки там. Усадьбы загородные. Ладно, тоже полезно. А то чё? Машина – офис, машина – офис... А тут воздух как-никак. Тренировка. И вообще.

Целовались на природе. Как в юности. Я машину сам стал водить. Машина – это ж домик такой, понимаешь? Там тоже целовались, но до большего не доходило.

И вот я однажды к дому ее привез, а она говорит:

– Хочешь посмотреть, как я живу?

Ну вот ты бы понял, на что женщина намекает? Я тоже так решил.

Мы пришли. Хорошая такая квартира. Небольшая двухкомнатная, но хорошая. Евроремонт. Все дела. Комбайн на кухне дорогой. Кресла кожаные, нормально все.

Поцеловались еще в прихожей, и я руками стал... А Ира говорит:

– Не надо. Не могу пока.

Ну, не надо и не надо. Сидим, разговариваем на кухне. Ирка – она необычная очень, понимаешь? Не такая, как все. Интересная. Сейчас же все – про что? Про деньги, про сплетни, про шмотки. А она про жизнь говорила. Интересно с ней было.

Хотя хотел ее, конечно. А как? Такая красавица.

И вот месяц проходит, второй... Целуемся, обнимаемся... Я в гости к ней хожу. Она ко мне – нет. Ни домой, ни на дачу. Один раз в усадьбу ездили неподалеку от моей дачи.

– Давай, – говорю, – заедем. Чаю попьем. У меня там люди есть, за домом следят, чай нам заварят. Посидим. Посмотришь хоть, как я живу. Она ничего не ответила. Словами. Посмотрела только. И я сразу понял: «Нет».

Она так умеет смотреть – никаких слов не надо.

И вот однажды сидим у нее дома вечером, я уже уходить собираюсь. Эсэмэска к ней приходит. Она читает и... как бы это сказать, чтобы ты понял... отстраняется как бы. Понимаешь? Я даже спросил:

– Ничего не случилось?

Она улыбнулась:

– Нет.

А я вижу: случилось. Это ж всегда ощущается, особенно если влюблен, то есть чувствуешь женщину.

Она когда в туалет отошла, я даже решил телефон ее посмотреть... Но не стал. Унизительно это как-то.

Ну и вот...

Михаил замолкает. Пальцы начинают перебирать воздух. Большой, красивый, уверенный в себе мужчина. Смотрит мимо. Словно там, куда смотрит, хочет увидеть то, чего ему видеть не хочется.

Люди не приходят на такие разговоры с хорошим. Они приходят только с плохим – с таким, о чем вспоминать не хочется.

– Твой директор сказала, чтобы я на встречу с тобой вопрос приготовил. Самый главный, который мучает... Какой у меня вопрос? «Что во мне не так?» Вот какой вопрос...

Ну ладно... Короче, я вышел, но никуда не поехал. На лестничной клетке остался... Потом послал ей эсэмэску: «Я дома. Все хорошо. Целую». У нас так принято было.

Ты понимаешь, я не то чтобы предчувствовал говно какое-то, а точно знал. Прямо уверен был. И тут лифт поехал – вызвал кто-то. Время позднее очень, лифтом никто не пользуется. А тут прямо грохот раздался. Как взрыв. На площадке комнатка такая была, где мусоропровод. Я спрятался там.

Лифт приехал на этаж. Вижу: из лифта мужик выходит и идет к Иркиной квартире. Он еще не подошел, а она уже выскочила, на нем повисла.

Ничего у меня в глазах не помутилось, и плохо мне не стало. Я – мужик закаленный, девяностые пережил – и жив остался, и капиталец сколотил неплохой.

Это я потом переживал сильно. Пил даже. И сейчас пью. Не суть.

Тут понятно было, что делать. А когда понятно – не плохее.

Я из комнатки вышел, к ним подошел.

Они не удивились оба. Прямо как будто ждали меня. Мужик этот, главное, улыбнулся мне, шаг навстречу сделал, даже руку протянул.

– Ты, наверное, Михаил? – спрашивает. – Мне Ирка про тебя рассказывала. Ты не думай, нас с ней ничего не связывает, кроме секса. Если она к тебе попривыкнет и у вас все всерьезку начнется, я сразу отвалю. Мы с Иркой так и договорились.

А Ирка, главное, смотрит на меня своими глазами и говорит:

– Мишк, ты хороший очень, правда. Мне интересно с тобой. Разговаривать там... И вообще... Только вот ты не возбуждаешь меня совсем, понимаешь? Ну вообще. Я тебе знаешь что скажу? Ты, когда целуешься, сглатывай, ладно? А то противно, понимаешь... Ну...

Он замолчал.

Молчал долго.

– А дальше что было?

– Что было? В морду ему дал.

Ира же рядом со мной стояла. Я ее отодвинул немножко и ударил его. Сильно. Каюсь. Не рассчитал. Он в квартиру влетел. Рухнул там. Грохот раздался. Видимо, упало что-то.

Ирка ахнула. Хотела в квартиру побежать. Но я ее схватил. За волосы. Лицо ее повернул к себе, даже не знаю зачем. Потом толкнул сильно. Она упала, наверное... Не знаю. Я к лифту пошел и уехал.

– Больше вы не виделись?

– Она звонила на следующий день. И потом еще звонила. То ли извинялась, то ли объяснялась... Не важно. Я слушал – трубку не бросал. Я вообще трубки не бросаю никогда: мерзко быть невежливым.

Только мне уже стало неинтересно. Понимаешь? В любви должно быть интересно. Вообще, в жизни должно быть интересно. А уж в любви... И вот теперь я хочу понять: что во мне не так? Буду я сглатывать перед поцелуем. И все, что ли? И все? Тогда нормально все будет? Все?

* * *

Я сначала рос в абсолютной уверенности, что любовь – это хорошо. Это даже не просто так себе хорошо, но это лучшее, что есть в жизни.

Много ли книжек про счастливую любовь? Фильмов там? Пьес?

«Они жили счастливо и умерли в один день...»? Неинтересно!

Интересно про страсти роковые, про измены... Про треугольники любовные, квадраты, ромбы...

Если собрать лучшие стихи о любви – это что такое будет? Крик о расставании. Вопль о непонимании. Вой об одиночестве.

«Я вас любил так искренно, так нежно. Как дай вам Бог любимой быть другим».

Вот что это будет.

Психологи пишут, что настоящая любовь – это свобода. Психологи всегда выдают желаемое за действительное. Психологи пишут о том, как надо.

А мы тут живем как есть.

Она не звонит.

Она не пишет.

И, главное, она знает, как я жду ее сообщений. А не знает, так чувствует.

Это такая тактика у них в крови, у женщин.

Тут ведь как?

Она исчезла. Не звонит, не пишет.

И тогда – что? Тогда я думаю про нее. Им ведь очень важно, чтобы про них думали. И она знает точно: если исчезнет – тогда думаю. Придумываю. Фантазирую. Злюсь даже. Но занят ею.

А позвонит – тогда что? Успокоюсь. Займусь своими делами. Забуду. Хоть на время, но забуду.

А так – нет.

Вот она и не звонит.

Когда женщина говорит:

– Я считаю, что любовь – это то-то...

Например: любовь – это нежность.

Вот когда она так говорит, она убеждена, что эту нежность должен мужчина проявлять по отношению к ней. Ей и в голову не приходит, что мужчина тоже нуждается в нежности.

Трудно, что ли, позвонить?

Или написать просто: скучаю...

Трудно, что ли?

Когда я влюбился в Ольгу, я был счастлив. Я был счастлив абсолютно.

Помню, я шел из школы домой и думал, что если, например, у тебя двойка, но ты влюблен, то ты счастлив и радостен. А если у тебя пятерка, но девушки у тебя нет, то ты несчастлив и печален. Значит, настроение, и, в конечном итоге, жизнь зависит не от работы, а от любви.

Тогда я очень обрадовался этой мысли. Мне казалось, что она делает жизнь яркой и солнечной. И понятной, что самое главное. Ведь главная проблема юности – неясность окружающей жизни.

В юности жизни очень много. И она неясная очень. С ориентирами проблемы и с фундаментом.

А тут – раз! – понятно все: любовь – главное. Здорово, хоть и сердито.

Я тогда еще не понимал, до какой степени сердито.

Но когда Ольга сказала мне: «Я не понимаю, что такое любовь. Я понимаю, когда с человеком плохо или хорошо. С тобой мне плохо», – луч погас как-то сразу.

Потому что никакой это не луч был, а так – иллюзия. Ясная жизнь – и что хорошего? Ясность – она ведь тоже может быть отвратительной.

Любовь в жизни главное? О'кей. Только понимаешь ли ты, что это означает? Несвободу – вот что.

Ты либо влюблен, либо свободен.

Жизнь – это бесконечный выбор зависимостей, который мы делаем сами.

От чего предпочитаете зависеть, сэр?

От карьеры, от денег, от славы? От родителей? От начальства?

Это все в твоих руках. Мы сами строим ту реальность, в которой живем, и значит, сами за нее отвечаем.

Хорошо тому, кто зависит, скажем, от карьеры или от денег. Строй. Зарабатывай. Вперед, родной!

А если от любви?

Ведь не ты ее находишь, а она тебя. Хочет, сука, находит, а не хочет...

А ты несвободен.

А она не находит.

И что тогда?

И что с твоим настроением, с твоей жизнью?

Поняв, что у меня больше нет девушки, и возненавидев имя «Ольга» на всю жизнь, я поплелся домой.

На столе, на белой скатерти, стояла белая бутылка кефира.

Пустой стол. Скатерть. Бутылка кефира. Все белое.

«Я так же одинок, как эта бутылка кефира на столе», – подумал я. Мне было шестнадцать лет, и я совершенно не понимал анекдотичности сравнения.

Мне было шестнадцать лет – хороший возраст, чтобы осознать и не забыть: если рядом с тобой нет женщины, рядом с тобой нет никого. Ты живешь в пустоте.

Я совершенно точно знал, что такую, как Ольга, я не встречу больше никогда. Я вспоминал ее грудь и понимал, что такой груди больше не будет в моей жизни, это единственная на свете грудь, и я ее упустил.

Я надавил на зеленую, из мягкого металла сделанную, «шапочку» на горлышке бутылки; «шапочка» снялась. Я закрыл горлышко ладонью и взболтал. Потом выпил теплого мерзкого напитка.

Неполная бутылка уже не казалась величественной.

Мне хотелось нарушить метафору одиночества. Мне казалось, что это поможет моей жизни.

Мне было шестнадцать лет, и я тогда еще не знал: забыть женщину можно только с помощью другой женщины. Они так и будут вытеснять из моей души друг друга, чтобы в душе осталась пустота.

Но тогда я еще всего этого не знал.

Результатом всякой первой любви бывает ощущение окончательного конца жизни.

Пожалуй, никогда я не испытывал ощущения такого окончательного тупика, как в тот вечер, попивая невкусный теплый кефир в надежде поломать метафору, а значит, жизнь.

Меня предавали. Я предавал. Меня бросали. Я бросал.

Женщины рожали от меня детей, и мы расставались.

Женщины не рожали от меня детей, и мы расставались все равно.

Мы расставались естественно и трагически; глупо и умно; навсегда и на время...

Но никогда – никогда! – в жизни не было у меня больше ощущения такого безнадежного и бессмысленного существования, как в тот вечер.

Вот ведь Бог – Он все правильно делает. Он всегда все делает правильно. Он дает человеку трагическую первую любовь. И ты проживаешь в ней сразу ровно то, что будешь проживать потом.

Восторг, спокойствие и уверенность, трагедия потери... Такие вот этапы.

Дальше все будет именно так: восторг, спокойствие и уверенность, трагедия потери.

Восторг, спокойствие и уверенность, трагедия потери... Восторг, спокойствие и уверенность...

И так – до бесконечности.

Только в первый раз все более обостренно. Опыт, конечно, облегчает существование, но лишает открытий...

Господь как бы говорит: оно тебе надо, дорогой? Вот так вот будет всю жизнь. Подумай: отличная оценка важнее любви, разве нет? Научись получать пятерки – сделаешь карьеру. Сделаешь карьеру – будут деньги. Будут деньги – появятся возможности. Появятся возможности – возникнет свобода.

Это понятная логика. Очевидная.

А с любовью – что?

Восторг, спокойствие и уверенность, трагедия потери... Восторг, спокойствие и уверенность, трагедия потери... И так всю жизнь?

Оно тебе надо, дорогой?

Бог дает нам несчастье первой любви, чтобы мы успокоились. А мы чего?

А мы не слушаем Бога. Молимся. Просим о чем-то своем, нам необходимом. Но не слушаем. Ни в любви. Ни в чем другом.

Гордыня...

Я все понимаю. Я слышу Бога. Но сейчас будет не так. По-другому все будет. Это не грабли. Это новый путь. Сейчас будет не так, как раньше. Потому что есть логика, но ведь есть и чудо.

На что надеяться в любви, как не на чудо, если она сама и есть чудо?

Первый раз надеешься на чудо. Грабли.

Успокойся!

Нет. Еще раз надеешься на чудо. Грабли.

И опять. И снова.

И так – до седых волос. Или – до лысины, как в моем случае.

Почему-то очень долго я не выливал остатки кефира. Я ненавидел Ольгу. И мечтал, чтобы она мне позвонила. Мне казалось, что эта треклятая бутылка соединяет нас.

Я был сумасшедший. Как бывает сумасшедшим всякий, кто потерял любовь.

А потом я встретил Катю.

Я посмотрел на телефон: вдруг нечаянно я выключил звук и эсэмэска пришла?

Не пришла, конечно.

Разумеется, не пришла. А как же иначе?

Татьяна, 35 лет, врач:

– Ужасно неудобно рассказывать про это все... Чужому человеку... Извините... Но свои... Они же любят меня очень. Потому и свои, что любят. Они говорят: рви, убегай, улетай... Куда я убегу? У меня ж клиенты... И ребенок... Еще года нет ему.

А вы ведь можете дать совет, да? Потому что я сама не в состоянии разобраться. И вообще, так ужасно все... Ужасно... Эталонная красавица. Идеальная фигура. Огромные голубые глаза.

Периодически всхлипывает, вытирает глаза салфеткой, потом рвет ее, обрывки аккуратно складывает в пепельницу...

И опять всхлипывает, вытирает, разрывает, складывает...

– Мы с Сашкой... Сашей... Александром... Это муж мой... Мой муж... Бывший... Ну вот... Мы с ним женились по любви. Он меня завоевывал, хотя я сдать была готова в первую же ночь. Красиво завоевывал... Мы однажды с ним поссорились, так он кран пригнал подьемный к окнам моей квартиры, чтобы извиниться так. Представляете? Оказывается, в Москве можно за деньги заказать... Не знаю, как называется... Машина, на которой такая труба... Ты в нее встаешь, и она поднимает тебя до нужного этажа.

И вот, представляете, сижу я дома... Вдруг стук в окно... Я не испугалась даже, потому что не поверила. Смотрю: а в окне Сашкина физиономия. Представляете?

Не важно это все. Не важно уже. Вспоминается. Хотя и не важно. Вот.

Поженились мы, понятно. И начали хорошо жить. Четыре с лишним года хорошо жили. А потом... Я стала замечать что-то... В постели... Про это можно говорить?

Какой-то он стал... Не знаю, как сказать... Формальный. Можно так сказать? Нет, все делал. Но как-то формально.

Он вообще-то страстный очень, Сашка. Меня даже кусал иногда... Извините... Вот. А тут какой-то...

Мы как раз с ним тогда на балет ходили, ну, в тот период... Мы с ним часто там – театры, балет... Ну вот, я смотрю и думаю... А думаю я про свое, понятно... И вот я думаю, что балет – это же, в сущности, физические упражнения.

А когда музыка, когда страсть – страсть, да – это же совсем другое дело.

Ну, ему рассказала про это в антракте, когда мы шампанское пили... А он спросил: «Ты на что намекаешь?» Я отшутилась, поцеловала его, но чего-то так мне грустно стало, словно от предчувствия.

И тут я забеременела. Долго не получалось, к врачам ходила. Вот нашу медицину все ругают, а мне помогли.

Сашка вокруг меня прям вился весь, шагу не давал ступить. Волновался очень.

Сейчас я, правда, думаю: может, играл? Но не важно. Теперь.

Сыночек родился. Я назвала его Сашей потому, что это – единственное имя, которое для меня имеет смысл.

Когда ребенок рождается, вся жизнь вокруг него вертится, и я как-то про наши отношения с Сашей-старшим перестала думать. Да и что плохого может быть, когда такой классный пацан растет.

Когда Сашке было восемь месяцев, я перестала его грудью кормить. Сейчас ругаю себя за это: дольше бы кормила, дольше с мужем бы жили. Но устала я, если честно. В общем, перестала. И прямо вот на следующий день Саша мне во всем признался. Оказывается, у него был роман на стороне. И там тоже родился ребенок, практически ровесник нашему Саньку.

Сашка так сказал все спокойно – готовился, видимо, долго, репетировал. Вещи собрал и ушел.

Я – в слезы. Но долго же нервничать нельзя: ребенок – он, когда маленький, мать очень чувствует и тоже начинает нервничать.

Успокаиваю себя, как могу, а не выходит... Уложу его спать, разрыдаюсь, а он просыпается тут же и – в слезы. И, главное, сухой и есть не хочет, а рыдает. Удивительно все-таки Бог все упорядочивает... А вы сами в Бога верите? Не важно...

Меня знаете что мучает? Что ж это такое во мне не так, что он к другой ушел? Что-то, значит, во мне неправильное... Я ее не видела ни разу. Но ведь это не важно – красивей она меня или нет, правда? Уходят ведь не к красивым. А к каким уходят, вы не знаете?

И все у нас нормально было. Театры там, балет... Я уже говорила, да? Разговаривали много. И такое вдруг...

Что-то, значит, я не сделала? Недодала чего-то? А что, чего? Мне почему-то важно это понять. Сама даже не знаю – почему, но важно. Но вопрос мой не в этом. Посоветуйте: что мне теперь делать. Близкие говорят: пошли этого дурака. Ну, они более грубо говорят. Не важно.

А как – пошли? Он же отец. И девочка, которая там растет – там девочка родилась, Сашка мне сам сказал, – она вроде как сестра. Моего Санька без отца оставить и без сестры? Не годится... А как тогда с ним общаться, с Сашкой? Он же – предатель. Или не предатель? Может, я сама что-то не так делала... Наверняка делала.

Вот он и ушел. Я и виновата, получается, а он – не предатель.

И чего тогда?

В общем, запуталась я.

– Татьяна, а давайте посмотрим: какие есть варианты развития событий?

– В смысле: варианты? Ну, общаться или не общаться?

– Вы же сами говорите, что варианта «не общаться» не существует. Каким бы ни был отцом ваш Саша, вы же не имеете права отнимать у него сына. И сестру у брата. На самом деле это и невозможно. Все равно в конце концов дети и родители всегда встречаются.

Так что, в сущности, выбора нет...

И еще. Вы себя не корите за то, что Саша ушел. По самым разным причинам мужчины уходят. А иногда и вовсе без причин. Но женщина совсем не всегда виновата, уверяю вас.

– Да как же не виновата, если он ушел? От хороших жен ведь не уходят?

– Уходят. И еще как. От самых хороших жен.

– Думаете? Ведь с ней же еще придется общаться, понимаете? С ней-то как... Ну, с новой женой его... И Саньку все еще надо будет объяснять, когда вырастет. А как объяснять? Но вы правы: вариантов нет. Если я Саньку от Сашки отниму – сама себе не прощу. Мало того, что мужа не удержала, так еще и отца у сына отняла...

– Можно же не встречаться какое-то время, если он раздражает вас?

– Кто? Сашка? Меня? Нет. А чего? Я сама виновата. Эту новую его видеть, конечно, радости мало. Но что поделать?

А Сашка – нет.

А деться, действительно, некуда... Отец у парня должен быть. Чего уж тут...

* * *

...а потому что она знает, что я ее жду. Чувствует.

Они же все чувствуют, женщины, вот в чем дело. Все абсолютно чувствуют они.

Мы понимаем, мы соображаем, мы доходим своим умом кое до чего. А они чувствуют. Всё.

И все наши мужские попытки их обмануть, перехитрить, перемудрить обречены.

Мы там... предлагаем какие-нибудь схемы битв.

– Ты понимаешь: она вот так-то и так-то, а я так-то и так-то. Налей еще... Я знаю, что мне нужно делать, чтобы она... Давай за мою победу! Чтобы я из-за бабы? Что у меня, дел других нет?.. До дна за мою любовь и победу! Она что, думает, что я?.. Как бы не так! Она – сама... Да у меня таких как она... Наливай!

Все напрасно. Они чувствуют больше, чем мы понимаем.

Бог любит человека? Любит. Разве не очевидно, что именно лучшим Он должен был поручить рожать любимых?

И вот Господь выбрал женщину: мучайся, но рожай.

Рожай в муках – тогда поймешь про эту жизнь что-то такое, в чем этим, изобретателям оружия и футбольным болельщикам, не разобраться никогда.

А ты, любитель политики и пива, сиди, ходи, думай, пыхти, делай вид, важничай... Но все равно тебе никогда не понять, что чувствует она, когда у нее два сердца внутри бьются.

И в любви они всегда побеждают.

В ненависти – мы. В любви – они. И так всегда. Потому жизнь и идет так хреново, но не останавливается...

Они все чувствуют, все знают. Она смотрит на тебя и понимает на месяцы вперед, иногда – на года.

Женщина – это западня, знаешь об этом? Ты там хорохоришься чего-то, силу свою показываешь, выпендриваешься.

Но уже всё, ты попал, ясно тебе? И дальше будет, как она скажет. Она может подчиниться или подчинять – это уж как у вас получится, как у вас ума хватит договориться, у обоих.

Только она всегда будет локомотивом, а вагончиком – ты.

Локомотив – это ведь тоже западня, не думал об этом? Попал в нее – всё. Привезут туда, куда надо локомотиву. Только прицепись, вагончик, и нет у тебя уже своего пути, только локомотивный.

Она бежит, а он ее догоняет... Знаешь такой, оскомину набивший, символ? И ему кажется, что он крут, конечно. Он же сейчас догонит, повалит, победит.

Дурачок... Не понимает, что ли: бежит-то ее путем. Куда ей захочется – туда он и бежит. А когда догонит и развернет, она в глаза ему посмотрит и расхохочется... И ничего он, дурак, сделать не сможет. Потому что мы в силе да ненависти первые, а в любви – они.

И если уж Господь устроил так, что именно они продолжают жизнь, то дело – не ерепиться в западне, а затихать...

Я ж могу ей сам позвонить? Или эсэмэску написать? Почему нет? Я ж все равно ею живу, так перед кем же хочу лицо свое держать?

Нет у меня никакого лица. Ее лицо у меня. Оно ведь все время передо мной – ее лицо, и иногда мне всерьез кажется, что оно стало моим...

*Я не могу о тебе забыть.
Я не могу о тебе помнить.
Я не могу без тебя жить.
Я не могу без тебя наполнить
Смыслом любой приходящий день.
Счастьем – любой уходящий вечер.
Мне и летать без тебя – лень.
Мне и страдать без тебя – нечем.*

*Я не могу без тебя идти.
Я не могу шагать в отдаленье.
Мне без тебя ничего не найти,
Кроме отчаянья и сомненья.*

*Я не могу без тебя плыть:
Мне без тебя даже море – суша.
Я не могу без тебя любить.
Я без тебя становлюсь хуже,
Хуже, отчаянней день ото дня.
Сука-тоска никуда не уходит.
Сколько продлится эта фигня?
Ангел беспомощно крылья разводит...*

Я не могу без тебя.

Все? Высказался? Излил душу бумаге, про которую придумали, что она все стерпит, хотя никто не проверял.

Ну чего ты? Чего? Не можешь – возьми трубку, набери номер. Напиши. А?

Нет, будет ходить, мучиться, страдать...

В любви нельзя унизиться, понимаешь? Нельзя! Ты не можешь сделать ничего такого перед любимым человеком, чтобы твое достоинство пострадало. Это просто невозможно.

Красивые слова. Все равно ведь страшно...

Господи, сколько ж они меня били, эти бабы! Легко так, с улыбкой. Совершенно даже не думая унижать.

Били и били. Выбивали. Как будто я ковер какой...

Я не мог забыть Ольгу. Я ездил к ней мириться. Я даже стоял перед ней на коленях.

Боже! Это ведь был я! Прямо у нее на работе, в комнате, где она сидела, я рухнул на колени и пополз к ней. Я полз, молча и сосредоточенно, так, словно впереди была некая цель, до которой можно было только доползти.

Я видел впереди лишь ее ноги, обутые в красные туфли. Они не двигались и не переминались. Они ждали меня. Красные туфли были тем пятном, к которому стоило стремиться.

Мне казалось, я ползу очень долго – может быть, потому, что я боялся: откроется дверь, и меня кто-нибудь увидит.

Наконец я дополз.

Ноги не шевелились. Красные туфли были прекрасны и неподвижны. Я смотрел на них так внимательно, будто хотел их загипнотизировать.

А туфли смотрели на меня. Мне казалось, они ухмыляются.

Ничего не происходило. Вечность ничего не происходило. Три вечности, сто вечностей подряд не происходило ровным счетом ничего.

Мы с красными туфлями рассматривали друг друга.

Наконец я услышал голос:

– Вставай. Это глупо.

Это был приговор.

Если бы она... Взъерошила волосы на моей голове... А тогда еще на моей голове были волосы... Улыбнулась... Стала бы меня поднимать... Если бы она сделала что-нибудь человеческое...

Но она вынесла вердикт:

– Вставай. Это глупо.

Я встал.

Я даже не стал на нее смотреть – не очень интересно подсудимому смотреть на судью.

Я просто повернулся и ушел.

Мне захотелось поднять руку и помахать ей, чтобы было как в кино.

Но я этого не сделал.

Еще мне захотелось сказать:

– Ольга, ты дура! Ты, Ольга, последняя дура и сука!

Но я и этого не сделал.

Единственное, на что меня хватило, – не обернуться.

Потом всю свою жизнь, глядя на то, как разные мои девушки в разные мои годы надевают красные туфли, я вспоминал свое унижение.

Оно никуда не делось, это унижение. Оно не растворилось в прожитых годах, не излечилось теми ситуациями, когда унижал я, оно не исчезло за дымкой всяких любовных историй... Оно стало основой меня – унижение первой любовью.

Унижение стало основой. Ну и что на таком фундаменте можно было построить?

Первое, что я сделал после приговора, – попытался забыть эту историю. Как минимум красные туфли, как максимум Ольгу и все, что с ней связано.

И что? И ничего...

Невозможно забыть то, что невозможно забыть.

Первая любовь – это никакие не уроки. Первая любовь – это фундамент всех будущих отношений.

Здравствуй, дедушка Фрейд!

«Помните свою первую любовь? И как оно было? Хреново. Понимаю. Вот эту хреновость вы по жизни и понесете. В добрый путь!»

А потом появилась Катя. Точнее, мне показалось, что она появилась.

Одиночество – это время одиноких ночей.

Телефон – это верный страж одиночества.

И ведь она знает, что не могу без нее. Знает.

И пользуется этим.

Они всегда так делают. Они – ответственные за жизнь на планете – все чувствуют и радостно этим пользуются.

И так всю жизнь.

Как же надоело!

Уже полтинник пробил. Дети есть и деньги есть. И опыт есть. И одышка есть. И «молодым человеком» уже никто больше не назовет никогда.

А фигня эта все длится и не собирается заканчиваться.

Ей трудно, что ли, позвонить? Или написать? Трудно ей?..

Алексей, 46 лет, водитель:

– На самом деле я зря пришел. Такие вещи самому надо решать, но не получается у меня. Говном не хочется быть. Такие дела... Говном никогда не был. Это для меня важно – этим вот не быть.

Большой человек сидит, опустив голову.

Говорит о том, о чем говорить не хочется.

Но продолжает и продолжает, и продолжает...

– Жену мою бывшую Земфирой зовут. Татарка, понятно. Правда, московского разлива. Язык родной, татарский, – она ни в зуб ногой, как говорится. Кстати, не знаете, почему так говорится? Почему это надо – в зуб ногой? Ладно, проехали.

К делу. Мы, значит, с Земфирой поженились пять лет назад. Сначала хорошо жили, а потом начали ссориться. Не знаю почему. Она властная вообще очень. Я думал, что для восточных женщин это не характерно, но, может, потому что московского разлива? А может, не поэтому.

Раздражать начали друг друга. Это я вам так скажу – последнее дело. Если супруги друг друга раздражают – последнее дело. Кричат там, ругаются – можно еще пережить, но если раздражают – кранты, все, сливай воду, как говорится. А так почему говорится?.. Какую надо воду сливать? Откуда?

Ладно.

И тут, по закону вредности, Земфира забеременела... А может, почувала, что кранты наступают, и тогда решила... Не знаю. Кто этих баб разберет с их хитростями?

Кстати, не знаете, что значит слово «кранты»? Все хочу посмотреть – не соберусь никак. Не суть.

Девчонка родилась, Лизка, хорошая такая, здоровенькая.

Но раздражение никуда не делось. И не то чтобы мы там ругались... Просто не могли друг друга видеть.

Ну невозможно ж так жить. И разойтись нельзя – дитё потому что.

И вот мы решили, что будем видимость семьи создавать, но при этом каждый станет жить той жизнью, какой хочет.

И спать будем в разных местах. Вроде как соседи.

Да! Я тут «Анну Каренину» посмотрел... Новое кино. Не видели? И как? Мне тоже понравилось. Это я к чему? Они там в разных комнатах спали: Боярская и этот, второй актер, который муж законный... Не знаю фамилии.

– Виталий Кищенко.

– Да? Ну и Бог с ним. Хороший актер. Это я к чему? Они ж в разных комнатах спали! Наверное, когда любовь была у них, соединялись на каком-нибудь там диване – ребенка же зачали как-то, правильно? Однако так получается, что спать в разных комнатах – нормальное российское дело. Типа традиция. Ну и вот... Мы так решили с Земфирой тоже... И еще одна договоренность была: если кто у кого появится, в дом не водить. Ну, этот, помните, сказал... Кищенко, да? Каренин: мол, на стороне – давай, а в дом мужа хахалю своего не води! Вронского

муж Боярской играет, знаете? В общем, любовника в дом не води. А она ослушалась, сука. Ладно...

Стали мы жить с Земфирой типа по-соседски. Спокойней стало как-то. Такие дела. Скандалы... Их и так мало было, а тут прекратились совсем. И раздражение поутихло как-то... – Вы изменяли жене?

– В каком смысле? Изменять – это когда втайне. А тут какая измена? Договоренность же была! Нет, ну появлялись какие-то, конечно, женщины-полуходовки. Понимаете, да? А как же! Я ж здоровый мужчина, мне нежность нужна. Но полуходовки только. С которыми только наполовину все есть. Не всерьез как-то... Хотя были, да. Но это к делу не относится.

В общем, так жили потихоньку-помаленьку, дочь растили.

И тут Земфира мне говорит:

– Я, – говорит, – полюбила другого и ухожу к нему.

И я чего-то расстроился. Хотя понятно было, что к этому все идет, а расстроился чего-то. Но сказал: препятствий чинить не буду, только ты крепко подумай. У нас, конечно, жизнь странная с тобой, но так бывает, что люди такой странной жизнью проживут, перемелются в ней и выходят другими. В общем, говорю, захочешь если – все сначала можем попробовать начать. Все-таки ребенок у нас, и вообще – не чужие люди.

Не знаю, зачем я это сказал. Как-то все необдуманно получилось. Она ведь без предупреждения заявление свое сделала, я подумать-то над ответом не успел. И сказал, что на сердце было. Такие дела.

Однако после этого всего Земфирка моя задумчивая какая-то стала. Я-то думал: она про жизнь свою... ну, в смысле, нашу... думает, оказалось – нет. Оказалось, замышляла она совсем другое.

И вот теперь я к сути подхожу.

Опять опускает глаза, будто разглядывает что-то на столе.

– Сiju однажды вечером, играю с дочкой. Входит Земфира, а рядом с ней мужик. Земфира представляет нас: Алексей, Иван. Я сразу понял, что это как раз тот, к кому она намылилась отваливать. Не знаю почему. Но как-то сразу понял. Не почувствовал, а вот именно что понял. Конкретно.

Земфира говорит:

– Иван хочет с тобой поговорить.

Я чё? Хочет – значит хочет.

Мы на кухню пошли. Иван бутылку «Белуги» с собой принес. Хорошая водка. Дорогая, сволочь, но хорошая. А Земфира, оказывается, закуску приготовила, как-то все на столе вмиг образовалось. Готовилась, значит... А я и не заметил. Рюмка, другая... И вот уже получается, что мы с этим Иваном «на ты», сидим и выпиваем.

Знаете, сколько сидели? Не поверите! Сутки почти. Выпили все, что у нас в доме было, а запасы немалые.

И все это время Иван доказывал, что Земфире с ним будет лучше, чем со мной. Чего-то такое говорил про то, сколько зарабатывает... Но это недолго... Про то, что с Лизкой я смогу общаться, сколько захочу... Чего-то такое плел про внутренний мир моей... ну, типа нашей жены... особенный, глядишь ты, какой-то мир, который он понимает, а я нет... Тоже мне сложная задача – Земфиркин внутренний мир.

А дальше уже плохо помню. Только основная мысль в голове засела из того, что он говорил: мол, со мной ей будет плохо, а с ним – хорошо. Как я спать лег, позабыл совсем.

Но вот проснулся с ощущением, что я – говно. Мало того что я этого Ивана с лестницы не спустил, и водку его пил, и едой его своей кормил... Это ладно еще. Но так получается, что я с ним жену свою обсуждал, всякие ее качества, мы даже про секс вроде говорили, но это я не уверен до конца.

С чужим мужиком обсуждал свою жену! Такая мерзость внутри... Сначала думал: похмелье просто, пройдет.

Не проходит. Такие дела.

– А Земфира сейчас где живет?

– У него, конечно. Мы с ней видимся, с дочкой тоже. Нормально.

Ивана этого только вот видеть не могу.

Напоминает он про мою мерзость.

Я уж себя и так уговариваю, и эдак. Не уговаривается ни черта! Такие дела.

И вот мой вопрос: «Как перестать ощущать себя тварью?»

Ну не могу я так жить!

И еще: как вы думаете, когда я уже наконец перестану ждать, что Земфира вернется? Понимаю, что не вернется. А если даже и вернется, то я, может, ее и не прощу. Вот. А жду все равно. С этим вот можно что-то сделать?

* * *

Любовь, конечно, надо придумать. Поначалу это обязательно. Потому что ты же ждешь идеальную, а идеальной нет. И чего? Надо придумывать.

Любовь – это (например) такая прекрасная, невероятно красивая статуя. Но изо льда. А отношения – это солнце: дают тепло, но статуя тает. И вот так она тает, тает...

Сколько там останется от твоих фантазий? Если хоть что-то не растает – скажи спасибо.

А ведь еще недавно казалось: такая прекрасная, такая необыкновенная, такая твоя. Статуя. Глядь: лужица под ногами плещется, и вся любовь.

Катя была невысказанно красива. Настолько, что к ней страшно было прикасаться. Просто невозможно было поверить, что к этой женщине можно вот так просто взять и прикоснуться.

Она была недоступна, и от того особенно маняща.

У нее были длинные черные волосы, длинные ровные ноги; большая грудь, огромные глаза и высокий лоб.

Это описание ничего не объясняет, потому что невозможно описать, что это такое – невероятная женщина. Нет слов для объяснения.

Невероятная – это которой не может быть. А есть.

Я прекрасно понимал, что у меня нет шансов. Но это не имело никакого значения.

Если мужчина не замечал Катю, это могло значить либо то, что он влюблен в кого-нибудь другого, либо то, что он – голубой. Я зализывал раны после Ольги, считая себя неисправимо одиноким. И голубым тоже не был.

Я встретил Катю на дне рождения у кого-то там. Потом мы все ходили большой компанией по городу, орали что-то громкое, хоть таким образом реализуя юношескую потребность быть услышанными.

Я все время поглядывал на Катю, как бы небрежно и как бы случайно. При этом я вопил всех громче, стараясь выглядеть развязным и высокомерным.

Юноше чего хочется? Выглядеть взрослым, хотя, казалось бы, куда спешить? А взрослый – это какой? Понятно какой: развязный и высокомерный.

Я пытался шутить. Все смеялись. Это взбадривало меня. И я снова шутил.

Катя хохотала...

Смех для женщины – это очень важно. По тому, как она хохочет, можно многое про нее понять, если не все.

Я видел косящих под интеллектуалок барышень, которые вдруг начинали ржать по-лошадиному, и все их рассуждения «про Бродского» и «новые формы балета» казались списанными из чужих тетрадок. А иные молчат, но потом расхохочутся так по-детски звонко, что их мол-

чание сразу начинает казаться загадочным. Есть женщины, хохочущие грубо, сотрясаясь всем телом, когда хохочут не их глаза и рот, а живот и грудь. А есть такие, которые смеются так, словно заикаются, и, глядя на них, сразу становится неловко. Женский смех бывает легким и тяжелым, он может уносить мужчину в небеса, а может прибивать на месте – не сдвинуться.

Послушай, как смеется женщина, и только после этого решай: уйти или остаться. Только после этого!

Разговоры обманут; прикосновения заморочат легко, как и поцелуи; даже своим внимательным слушаньем они могут нас дурачить: ах, как они умеют делать внимательные глаза, думая при этом о своем!

А вот смех выдает всегда. Тут без притворства. Надо только дождаться, когда она расмеется не из вежливости, а потому, что ей смешно по-настоящему – и все. И тогда принимай решение. Никогда до этого!

Катя смеялась легко и естественно. При этом у нее немного слезились и начинали блестеть глаза. От этого можно было сойти с ума.

Что я, разумеется, и сделал.

И потом мы уже ходили вдвоем. И я все время что-то говорил и шутил, и она хохотала своим правильным смехом, и глаза у нее блестели...

И мы с ней разговаривали все время, умничали оба и что-то вспоминали... Даже удивительно, что уже тогда нам было о чем вспоминать.

И Катя иногда дотрагивалась до меня – до пуговицы или там до руки... Как бы случайно.

И я был убежден, что вот именно «как бы», а на самом деле она, конечно, специально так делала. И мне начало казаться, что ее прикосновения происходили все чаще и длились все дольше...

И я даже пару раз, тоже как бы случайно, перехватил ее руку, но, не зная, что с ней делать, отпустил.

И Катины глаза блеснули – показалось?

И губы раскрылись как-то призывно – почудилось?

И рука ее замерла у меня на груди где-то в районе сердца – померещилось?

Детали, детали... Только в юности, только в первых любовях они важны и существенны. Потом – бег.

Потом – быстро. Потом: «я слишком серьезен и стар, чтобы обращать внимание на такую ерунду». Потом: «я слишком стар, чтобы вообще обращать внимание». А потом уже совсем коротко: «я слишком стар».

А тогда...

Каждый поворот ее головы важен, каждое движение. Во взгляде – намек. В слове – метафора. В улыбке – смысл.

А я так и боялся к ней прикоснуться. Я понимал, что взрослые мужики так себя не ведут, а ведь женщинам всех возрастов нравятся именно взрослые мужики...

И ничего не мог поделать.

Мы прощались.

– Пока! – говорила она.

И смотрела призывно – показалось?

– Пока! – говорил я.

И она смотрела призывно – почудилось?

Я уходил, как мне казалось, по-мужски, не оборачиваясь.

Один раз не выдержал, и, отойдя довольно далеко, обернулся.

Она смотрела призывно – померещилось?

Каждый день я давал себе зарок, что вот именно сегодня...

Я представлял, как это будет... Как я положу ей руки на плечи... Как погляжу в ее глаза, которые обязательно заблестят... Как слегка наклоню голову...

И ничего не мог поделать.

– Пока! – говорила она.

И смотрела призывно – показалось?

– Пока! – говорил я.

И она смотрела призывно – почудилось?

Ксения, 30 лет, переводчица технической литературы:

– Я никогда замужем не была. Мужики возникали, конечно, куда ж без них? Такие, знаете, миражи в пустыне... Возникнут, посияют немножко, исчезнут.

И – нормально.

Не могла я себе представить, что каждое утро и вечер передо мной будет ходить дядька. А они все настаивали, чтобы мы жили вместе – провожать, наверное, им было в лом. И чё? Поживем, иногда буквально день-другой, и – все! Не могу!

Носки стирать, трусы, обед готовить, убираться – это пожалуйста. Нет проблем. Но вот когда мелькает утром, вечером... Все время. Не могу! И то, что мне тридцатник, как-то меня не особо колышет, если честно. Детей я чего-то не очень хочу. Не, если будут – хорошо. А нет – так и ладно.

А Валерка не раздражает. Не знаю почему. Он уютный какой-то. Спокойный. Вы в ауру верите? Вот у него аура очень хорошая. Или там, может, не хорошая, но моя абсолютно. И детей от него можно вполне... Во всяком случае, я раньше так думала.

Он хорошим будет отцом. Он ответственный.

Это я раньше так думала...

В общем, мы решили пожениться. В загс подали заявление. Дата уже была назначена.

Платье, слава Богу, не сшили, а то представляете, какие бы деньги пропали... А потом у меня мама заболела. Серьезно. Больница. Реанимация. Думали, не выкарабкается. Бог помог. В больнице долго лежала, потом домой перевезли.

Нас у мамы три дочери – три сестры. Отца у нас нет. И жизнь наша как бы остановилась, понимаете? Как на препятствие какое-то налетела. Больница. Там же каждому надо в лапу дать. Деньги-то есть, не вопрос. Но ведь это время все: встретиться, договориться, понять, кому... Потом – сиделка. Опять же: хорошую надо найти, душевную. Проблема.

Мы носились как лошади. Тройка лошадей. Вообще жизнь остановилась. А Валерке – хоть бы что! Нет, он пару раз предложил помощь, а потом – положил на нас. Конкретно. Живет так, как будто болезнь моей мамы вообще его не касается. С одной стороны, я могу его понять. Мама моя – ему чужой человек, так? Но, с другой, это ведь моя мама, правда? Из чувств ко мне можно же было бы как-то... Не знаю... Помочь чего-то... Съездить... Сбегать... – Он что, никогда вам не предлагал помощь?

– Да чего-то предлагал там пару раз чисто формально. Это ж видно, когда формально, а когда от души, так? Ощущение такое, что ему наплевать на маму мою.

И вот чего мне делать теперь? Я уже к нему привыкла, свылась с ним как-то... Не раздражает он меня, что важно. И вообще я думала, что у нас любовь.

А чего вышло? Как мне теперь жить с человеком, если он в такой серьезный в моей жизни момент отстранился?

Говорит абсолютно спокойно, словно не свою – чужую историю рассказывает.

– А гнать жалко. Если я за столько лет такого не нашла, вряд ли еще найду. Я ж тоже не молодею, правильно?

Мама-то сейчас на поправку пошла, голова моя освободилась, вот я и думаю.

А придумать сама ничего не могу.

– А вы можете попросить Валерку вашего ко мне прийти?

– Да он тут сидит. Позвать?

– Позвать. Только мы с ним немножко вдвоем поговорим, ладно?

ВАЛЕРИЙ, 35 ЛЕТ, ВЛАДЕЛЕЦ АВТОСЕРВИСА:

– Жаловалась на меня? Серафима Петровна... Ну, это мама ее... внезапно заболела: инфаркт. В больницу по скорой отвезли. Положили в коридоре, понятно. Больница дурацкая. Как всегда.

А у меня в центре Бакулева друзья работают. Вообще, у меня такая работа – друзья везде есть. Я созваниваюсь, они говорят: «Сейчас с той больницей свяжемся, узнаем состояние...

Как только можно будет, заберем – не вопрос».

Говорит нервно, страстно. Будто все время ведет спор.

– Ксю у мамы в больнице вместе с сестрами. Я – к ним. Так и так. А Ксю говорит:

– Не надо ничего. Мы уже все устроили.

Даже спасибо не сказала. Ладно. Она в нервном состоянии была, понимаю.

С тех пор так и пошло: что я ни предлагаю, ничего не надо. Просто бред какой-то! Друзья хотели лекарство переслать из Израиля... Так Ксю сказала:

– Обойдемся без этих еврейских штучек!

Причем ведь она не антисемит ни разу.

А чё мне делать? Я попредлагал, попредлагал, да и затихарился. А что? Раздражаю только. И, главное, я люблю ее. А может, привык... Не знаю... Но без нее хуже будет, чем с ней. Это я точно знаю.

Но эта вся история отдаляет нас друг от друга, понимаете? Мы как-то все дальше. А не хочется так. Не хочется...

– А почему, как вам кажется, Ксения вашу помощь не принимает?

– Да это надо у нее спрашивать. Не знаю. Может, не привыкла. Может, ей проще так. Откуда мне знать?

– Давайте Ксению позовем, спросим у нее.

КСЕНИЯ:

– Я помощь не принимаю? Да ты когда предлагал-то ее? Сам-то помнишь? Хоть бы чужого человека постеснялся.

ВАЛЕРИЙ:

– А Бакулевка?

КСЕНИЯ:

– Вспомнил. Мы тогда уже другую нашли. Чего ты со своей Бакулевкой?

ВАЛЕРИЙ:

– А лекарство из Израиля? Оно людей с таким диагнозом, как у мамы твоей, мгновенно на ноги ставит. Люди даже денег с нас не брали. Бесплатно хотели...

КСЕНИЯ:

– Бесплатно и хорошо не бывает, ты же знаешь. И потом, надо было посоветоваться со специалистами. Люба – это сестра моя – сказала, что ей это лекарство не советовали. И Маша – это вторая сестра – согласилась.

ВАЛЕРИЙ:

– Ты Маше и Любе веришь больше, чем мне. Вот в чем дело. А так нельзя. Если ты мне жена, то мы с тобой должны быть как одно. Правильно я говорю? А мы...

КСЕНИЯ:

– А как быть, если тебе наплевать на мою маму? Если она больная, а ты...

– Брейк. Скажите мне, только честно: вы любите друг друга?

КСЕНИЯ, ВАЛЕРИЙ (хором):

– Да!

Я взял телефон. На ладони его подержал, словно пробуя на вес.

Если бы наши мобильники умели не просто передавать наши слова, а воспринимать их – они бы с ума сошли, это точно.

Какие просьбы, мольбы, стенания обращаем мы к этим бездушным гаджетам! Сколько слез вылилось на их зеркальную поверхность! Сколько раз их, невинных, швыряли об стену, а потом поглаживали треснутое стекло, словно извиняясь!

Я держал в руках телефон и думал: Та, Которая Не Звонит, она важна в моей жизни, или просто самолюбие мое играет? Вот, например, я готов жить с ней всегда и каждое утро и каждый вечер видеть ее лицо перед собой? Есть ли в ней что-то такое, что отличает ее ото всех иных, предыдущих? Вообще, что в ней есть, кроме красоты? Красоты много – это да. А еще что?

Вот если бы она сейчас позвонила, я бы мог ей сказать: «Я не понимаю, что такое любовь. Я понимаю, когда с человеком плохо или хорошо. Мне с тобой плохо. Ты меня извела»?

Мог бы я ей так сказать? Нет? Или бы обрадовался? Надо как-то продумать свое будущее поведение. Реакцию свою на нее. А то она позвонит, а я не готов. Нехорошо.

Телефон молчал. Жалко, конечно, что еще не придумали такие телефоны, которые разговаривают. Сейчас бы посидеть и поговорить по душам с телефоном. Поди плохо? Я бы, конечно, телефону рассказал про Катю. И он бы меня, наверное, понял. Ведь он – мужик. Должен был понять.

Катю я, конечно, в конце концов поцеловал. Но все сделал неправильно, потому что, когда дело касается любви, правильно получается только экспромтом. А я готовился. Ведь меня так учили: чтобы что-то получилось, надо обязательно готовиться!

Хочешь получать хорошие оценки – готовься. Хочешь поступить в институт – готовься! Хочешь хорошо выступить на конкурсе самодеятельности – готовься!

Готовься! Готовься! Готовься!

Готовиться хорошо, не готовиться – не хорошо.

Такая логика. Железобетонная, как учебник по математике.

Только вот нам как-то позабыли объяснить, что любовь – это как раз такая история, в которой побеждает только экспромт.

Потому что жизнь – это спектакль: учи роль, готовься к выходу, выбери правильного режиссера и постарайся попасть в правильную пьесу.

А любовь – море. Стихия. Свобода то есть.

Нырнул – плыви. Не умеешь плавать? Тони. Там на дне – тоже масса всего интересного. Живи, короче, в этой стихии. Не готовься, а живи.

Кто про это скажет? Кто объяснит?

Да никто!

Чему нас только не учили! К чему только не готовили! На уроках гражданской обороны даже объясняли, что делать на случай ядерной войны.

А с любовью оставили один на один. Никто ничего не объяснял. Ужас какой! Ничего про любовь не рассказывали, не советовали, не разъясняли... Ничего!

Вот я и готовился к этому поцелую. По привычке. Представлял, как это все будет. Такой разыгрывал спектакль...

А потом...

...Почему в юности мне всегда было страшно прикоснуться к девушке? И почему потом прошло?

Потому что в юности каждое любовное поражение означает фиаско окончательное и бесповоротное. Проиграв одной, ты поиграл всем, и, что самое ужасное, – навсегда.

А когда вырастаешь, нет никаких фиаско. Просто случай, досадный эпизод, казус... Пройдет, в общем.

В юности кажется: обида, поражение не пройдет никогда.

Вырастаешь и понимаешь: пройдет. И не такое проходило.

Потому в юности любая попытка завязать что-то с женщиной – решающая. Но чем больше в жизни таких попыток, тем все менее и менее решающими представляются они...

Был вечер. Я провожал ее к подъезду. Она шла чуть впереди.

И на меня нашло что-то. Наверное, это была страсть. Или любовь. Умные психологи знают разницу, я – нет...

Я положил руки ей на плечи. Катя остановилась. Я развернул ее и уткнулся зубами в ее полуоткрытый рот.

Катя расхохоталась!

Она смеялась своим единственным смехом. Не высокомерно. Не обидно. Просто весело и по-детски.

– Ты что? – спросил я и снова попробовал ее поцеловать.

Она ответила на поцелуй, но тут же снова рассмеялась.

Я совершенно не знал, что мне делать.

Катя вдруг посмотрела на меня серьезно, даже, пожалуй, чересчур, погладила рукой мое лицо и произнесла тихо:

– Хороший ты.

Потом она расхохоталась и побежала к подъезду.

Помахала мне рукой и исчезла за легкой дверью. Тогда ведь еще не было железных дверей и кодовых замков и двери казались легкими...

Всю ночь я потратил на то, чтобы убедить себя, что поцелуй состоялся. И значит, я могу теперь просто подойти к ней и даже чуть небрежно поцеловать. Но по-настоящему.

Но сколько бы потом я ни целовал, Катя каждый раз хохотала.

Я спрашивал ее:

– Что случилось? Почему?

Она говорила мне, что я – очень хороший, и снова смеялась.

Они более мягкие, женщины. И от того – такие жестокие. Они крайне редко говорят: «Пошел вон!», что каждый мужик делает с удовольствием.

Но они умеют все так выстроить, что ты сам понимаешь: ты – лишний, нелюбимый, чужой.

Потом они встречают тебя где-нибудь случайно, целуют в щеку, улыбаются... Спрашивают что-нибудь вроде: «Ты как?» И улыбаются, улыбаются, улыбаются...

Сколько же раз потом, обнимая женщину, я вспоминал Катю и начинал смеяться...

Я смеялся над Катей, над той, которую обнимал в данный момент, над всеми другими, над самим собой, над своей жизнью...

Тут главное было расхохотаться вовремя, когда она приближала к тебе лицо, приоткрывала рот...

И вот – тогда! Не зло, не иронично, а искренно и весело – расхохотаться.

Это было так здорово!

Марат, 28 лет, юрист:

– Такой вопрос. Про любовь. Ну, я расскажу сначала, ладно? В общем, у меня есть друг. Со школы мы еще тусуемся, сейчас он в компании у меня заместитель. У него сестра. Ей сейчас двадцать три. Забойная такая девка. Имя только дурацкое – Клара. Не, ну, главное, брат ее, друг мой, – Сергей. Нормальное имя, да? А она – Клара. Родители вообще чем думали, когда такое имя давали? Ладно. Ничего. Я привык уже за столько-то лет... Ну и вот, значит. Клара росла, росла, да и подросла. Классная такая девка... Грудь там, ноги, задница... Все дела, короче. И, главное, я ее с детства знаю. Ну то есть мы типа знакомые, вот оно что.

Я вообще-то, честно говоря, с женщинами робок довольно. Не знаю почему. Системы вроде все нормально функционируют. А робок. Вот этот весь конфетно-букетный период ненавижу.

Я и в работе так... Помните, как Господь говорил? «И будет ваше слово: да, так да; а нет – так и нет». Вот в бизнесе так можно, а с девушками нельзя.

И вот надо чего-то говорить, как-то там ее заинтересовывать... Но это еще ладно!

Про нее ж тоже надо все выяснить? Типа: она тебя любит или деньги? Юмор есть ли у нее, а то я, если у чела нет юмора, просто подыхаю. Умеет ли готовить.

Тут одну встретил. Ресторанчик, туда-сюда... В кино даже сходили. Она говорит: – Хочешь посмотреть, как я живу?

Ну, я парень сообразительный, глубинную суть вопроса понял. Пришли. Сидим. Неловкость... Ну, у меня всегда в таких случаях неловкость...

Она и говорит:

– Хочешь, музыку поставлю?

Я говорю:

– Давай.

Она знает что поставила? Стаса Михайлова! Я еле ноги унес. Ну и какие могут быть отношения с женщиной, которая Стаса Михайлова считает музыкой?

Короче. С Кларой таких проблем не может быть. Я все про нее знаю. И про вкусы ее. И даже про то, как она готовит. И даже про все ее романы, которые у нее были. Ей двадцать три, но девчонка, как говорится, видная издалека... И знаю, что сейчас у нее никого нет. Вот, значит, пришел я к Сереге. Чего там надо было перетереть, не помню... А я Кларку давно не видел. А тут – прям на кухне сидит. Глазища там... Все дела...

И меня прям осенило. Прям как будто Бог на ухо шепнул: «Какая девка классная! Готовая прям и без проблем».

И прямо засела у меня эта мысль. У меня всегда так бывает... Знаете, как Володя пел: «Уж, если я чего решил, то выпью обязательно». И у меня так же ровно.

На следующий день вызываю Серегу в кабинет и говорю: так, мол, и так, запал на твою Кларку, не мог бы ты поинтересоваться у нее, как она ко мне относится?

– А то, – говорю, – может, она меня в упор не видит, так чего ж я буду зазря нервные клетки тратить? Они ж не восстанавливаются, ну, вы знаете.

Серега не удивился. Он вообще спокойный такой. Несколько лет назад на него отморозки напали с битами, так он их раскидал и при этом ни разу матом не выругался. Представляете, выдержка. Как у хорошего виски.

Короче, дня три проходит, заходит ко мне Серега и говорит:

– Короче так, начальник... Это он меня «начальник» называет типа для прикола. У Кларки сейчас никого нет. Она так и сказала: «Я, говорит, на сухой диете нынче». Но тебе просила передать, что ты – маленький и инфантильный.

Я обалдел конкретно. Нормально, да? Мне двадцать девять скоро, а ей – двадцать три. Я Серегу спрашиваю:

– А еще чего сказала?

– Нет, – отвечает. – Только это.

И тогда я решил ее достать. Начал ей эсэмэски любовные писать, мейлы. В Фейсбуке в личку такие ей объяснения в любви пишу! Откуда только слова берутся!

У меня в телефоне камера отличная. Я периодически ей объяснения в любви записываю. Красиво! Фон выбираю, чтобы все красиво... Ну и снимаю, как я говорю разные слова.

Это все месяц длится... Не то два? Тут на работе завал был, забыл про все... Полтора, наверное.

Опять Серегу посылаю типа на разведку.

Он – мне:

– Сухая диета у нее продолжается, а про тебя говорит, что ты – не мужик, а инфантильный подросток. Извини. Но такие вот слова.

– А вы ее видели за это время?

– Нет. Зачем, когда такая неясность? Я даже к Сереге ходить перестал, чтобы с ней не столкнуться. Серега не обижается, он – друг настоящий. А если мы вдруг столкнемся, то что же я ей скажу, правильно?

– Послушайте, Марат... А вам не кажется, что если мужчина хочет объясниться женщине в любви, то лучше бы это как-то лично сделать? Глаза в глаза...

– Думаете, поможет?

Нет, вы просто не знаете, какие я эсэмэски пишу! А то, что я на камеру записываю? Шекспиру не снилось, точно говорю. И время, понимаете, времени жалко. И потом как-то спокойней, когда пишешь, привычней. Не знаю... А вы что, думаете, надо встретиться? И прям ее спросить? А что спросить? Поговорить, думаете, с ней надо? А как поговорить?

* * *

Та, Которая Не Звонит, не звонила.

Она держит меня, не звонящая, не пишущая. Мысли мои держит. Душу.

Они это умеют. Стоит попасть под их власть, и – все.

В жизни человека должен быть стержень, основа. Что-то самое главное, без чего он никак не сможет.

Тем моим приятелям, для которых стержень – карьера, деньги, зарплата, им спокойней как-то. Потому что все это от них зависит. От усилий, терпения и прочего.

Любой, кто хочет сделать карьеру или заработать деньги, сделает это всегда.

Слышь, учись на пятерки и все будет хорошо! Это правильное направление пути. Эта та дорога, которая от тебя зависит – по ней и иди.

А я не могу без женщины. В единственном числе. Не в смысле секса, хотя это тоже важно. Но главное: мне надо, чтобы она была рядом.

Свой бизнес я выстраивал, когда рядом была Юля. А когда мы были вместе, она была рядом всегда.

– Я – твоя рука, – вздыхала она и улыбалась.

В женщине очень важно, как она умеет тебя благодарить. И умеет ли?

Потому что если ты нормальный мужик, ты никогда на благодарность намекать не будешь. Однако всегда будешь ее ждать.

И, когда она поблагодарит, ты ответишь:

– Да ладно. Мне это ничего не стоило.

Но «зачет» своей женщине обязательно поставишь.

Мы живем в мире людей, закомплексованных до чрезвычайности. Поэтому каждый жаждет ощущать себя центром мира. Современный человек – это такой улавливатель сигналов, которые подает ему мир.

Он улавливает, а не подает. Ему важно, что – о нем, а не что – он сам.

В юности я прочел замечательную фразу Сенеки: «Если хочешь, чтобы тебя любили, – люби».

Мало ли фраз читал? А эта запала почему-то. Запала, но не работает. Пробовал. Женщины с благосклонным удовольствием принимают все знаки любви, и ни фиги не дают в ответ.

Современные люди с трудом выдавливают из себя слова благодарности. Им кажется, что это их унижает.

И к женщинам, и к мужчинам относится. Но если мужчинам отсутствие благодарности мы как-то еще прощаем, то женщинам...

Они все принимают как должное. Как бы подчеркивая этим свою крутизну. Если радуется – то подчеркнуто игриво. Если благодарят – равнодушно.

И ты говоришь себе: «Ну и ладно. Я ж не для нее это делаю, а для себя. Это мне зачет».

И все равно внутри какая-то мерзкая досада остается. Остается, черт бы ее подрал!

Юлька умела благодарить.

В женской благодарности ведь что самое главное? В женской благодарности самое главное – взгляд.

Юлька умела так смотреть, что «спасибо» начинало звучать как «я тебя люблю».

Она стеснялась принимать подарки. Она кричала на меня, чтобы я не тратил деньги на билеты бизнес-класса. Она предлагала в приморских городах снимать квартиры, а не номера в гостиницах, потому что это дешевле. В ресторанах она сначала смотрела цену, а потом – название блюда. Она покупала вещи на распродажах, радуясь не самой вещи, а ее цене.

Ради такой женщины стоило создавать бизнес. И все получалось. Сразу. И нужные люди нашлись. И деньги. И, главное, идеи. О Господи, сколько у меня появлялось идей, когда рядом была Юлька!

Вечером я рассказывал ей о своих делах, а она смотрела так, словно, кроме меня, в этом мире для нее больше никого не существовало, так раскрывала свои глаза, как будто от моего рассказа зависела ее жизнь.

Человек слушает глазами. В глазах собеседника отражается – или не отражается – твой рассказ. И когда твой рассказ отражается в глазах любимой – это и есть, наверное, счастье.

У меня в жизни было пять лет абсолютного счастья. У меня получалось все. Бизнес я сумел поставить на ноги, и он работает теперь практически сам по себе.

Я точно знаю: если жизнь за что и может полюбить меня – только за любовь. Если у меня получается полюбить женщину, у жизни получается полюбить меня.

И по-другому это не работает никогда.

А Юлька...

Она очень редко ездила на такси. Даже когда это можно было делать, не раздумывая. Она говорила, что в метро любит смотреть на людей и читать. Как она умудрялась одновременно читать и смотреть на людей, я не знаю. Но как-то умудрялась.

А тут поехала. Было очень поздно. Она возвращалась от мамы, и я сам настоял, чтобы она взяла машину...

Светлана, 47 лет, доктор филологических наук:

– Ужасно неудобно про это рассказывать, тем более практически чужому человеку. Но раз уж пришла...

У меня есть муж. Серебряная свадьба будет... Должна быть через два года. Дочери двадцать лет. Сыну двенадцать.

У нас хорошая семья, правда. Нам с мужем интересно всегда. Он – военный. Но вы не подумайте: он военный ученый. Столько лет прожили, а я так и не знаю, чем он занимается. С одной стороны, тайна. С другой – он пытался мне что-то рассказывать, но я не могу понять своим филологическим умом. Он очень умный. У него на все – собственный взгляд. Мы с ним все можем обсуждать. Он очень много читает художественной литературы и мемуаров. Представляете, благодаря ему я даже открыла для себя некоторых авторов. А я читать очень люблю. Конечно, профессия обязывает.

Отвлеклась. Извините. И в интимной сфере у нас все хорошо, извините. В это, наверное, трудно поверить, но – так. Я всегда знаю, что желанна. И он мой желанный, конечно.

Совсем не похожа на ученую женщину-сухаря. Красивая. Модная. Ощущение такое, что боится выдать собственное счастье: как будто гасит взгляд.

– И тут я... Это... Влюбилась, в общем. Даже не знаю, как все это произошло. Он младше меня на два года. Леонид. Он к нам на кафедру пришел из другого вуза. Невероятно умный! Говорит так... Я многих слышала... Я к Лихачеву в свое время на лекции ездила, Панченко слышала. Но чтобы так говорил человек!

Я своему мужу за двадцать три года ни разу не изменила. Поверьте мне. Даже мыслей таких не было. Зачем? Когда так все хорошо. А тут... Я даже не понимаю, как все произошло. Наваждение какое-то... Облаком накрыло и понесло... И принесло... Мы с самого начала с Леонидом начали общаться так, словно сто лет знакомы. Это ведь признак любви, так мне кажется. У него жена погибла два года назад... Он мне показался таким неприкаемым...

Я когда к нему домой первый раз попала, сразу убираться начала. Дура, да?

Вы не подумайте: у нас не сразу интимное началось. Мы ходили, разговаривали много... Я уже даже к нему домой приходила, обед готовила. Целовались только.

А потом я сама... Он же знает, что я замужем. Он не мог. Я понимаю. И сама поэтому, не сдержалась.

И вот теперь не понимаю, что делать.

Я не могу обманывать мужа, мне противно самой. Я столько за свою жизнь прочитала книг про измены... В каждой второй книге про любовь кто-нибудь кому-нибудь изменяет. Что в нашей классике, что в зарубежной. Но я даже не подозревала, что это так противно... Уйти от мужа? Я не представляю себе жизни без него. И потом, если дочери я еще смогу что-то объяснить, то сыну – нет. И тогда я останусь без сына.

Бросить Леонида я не могу. Не могу и все, понимаете? Как в тумане живу... Когда вижу его... Мы еще работаем вместе, видимся каждый день...

Тяжело. И прекрасно. Иногда ощущаю себя героиней какого-то романа: тяжело и прекрасно. Глупо как-то...

Не знаю, что делать.

– Когда не знаете, что делать, то и не надо ничего делать. Делать надо то, что хочется... А если ничего не хочется, тогда ничего и не надо...

– А как же мне жить? Так, что ли, и жить?

– Когда захотите жить по-другому, тогда и заживете. А пока – так.

– Тяжело так, понимаете? Очень тяжело...

– Понимаю... Но не знаю, как можно иначе... Светлана появилась через полгода: у нее возникли проблемы в отношениях с сыном.

– А как с Леонидом у вас?

– Это была ошибка. Он оказался... Короче, не тем, кем казался. Бывает. Мы не будем про это говорить, хорошо? Я пришла поговорить про сына...

Она была явно недовольна моим вопросом.

* * *

Юлька попала в аварию: разбилась очень сильно.

Она то теряла сознание, то приходила в себя.

Но она дозвонилась мне.

Я умудрился ночью – ночью! – устроить ее в хорошую больницу.

Доктор сказал, что прогнозы самые печальные и что вообще непонятно, выживет она или нет.

Потом сказали, что выживет, но не будет ходить.

Потом сказали, что будет ходить на костылях.

Юлька лежала в каких-то распорках и казалась распятой.

Из-под белого гипса и белых простыней глядели ее огромные черные глаза.

В глазах застыл страх. Я всегда думал, что это такая дурацкая банальная метафора: как это страх может застыть? Он же не желе...

Оказалось, может. Застывший взгляд, полный ужаса. И – ничего другого в этих глазах.

Когда ей стало лучше, в глазах застыл вопрос. И так бывает, оказывается.

Вопрос был такой: «А ты меня не бросишь?»

К ней страшно было притронуться. Я целовал ее прямо в этот, застывший в глазах, вопрос.

Я не врал. Я знал, что теперь мы всегда будем вместе.

Я не отходил от ее кровати целыми днями – и когда врачи говорили: «Идите домой», и когда сестры гнали, и когда так хотелось спать, что я уже плохо понимал, где сон, а где реальность.

Мне казалось, что с этим миром она теперь связана через меня и чем дальше я отойду от нее, тем слабее будут ниточки, связывающие ее с жизнью. И поэтому я должен быть рядом.

Я уже был взрослый человек, я уже много чего перевидал, в концов концов, у меня уже дочь росла, но впервые в жизни я понял, что любовь – это испытание.

Испытание, которое мне очень нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.